

тации в лингвокультурологии, а также лексикографическое кодирование единиц языка и многое другое.

1. Введение в гендерные исследования / под ред. И.В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Воронина О.А. Гендерная асимметрия. [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.
3. Гидденс Энтони. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. Томская Мария. Лингвистические гендерные исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.auditorium.ru/>
5. Кирилина А.В. Гендер и язык. – М., 2005.
6. Коноплева Н.А. Гендерные стереотипы. [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.
7. Котлова Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. – М., 2001.

Н.Г. Архипова

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ АБСТРАКТНОГО ИМЕНИ В ТРАДИЦИОННОМ ФОЛЬКЛОРЕ (на материале русских заговоров от лихорадки)

The article is devoted to the analysis of ill names in the Russian folk text.

В статье устанавливается комплекс семантических элементов, из которых складывается система представлений о болезнях в традиционном языковом сознании русского человека.

Мифы о болезнях и смерти относятся к числу наиболее распространенных и древних. В центре их находится основополагающее представление о болезнях как о чем-то внешнем и чужеродном. Это неуправляемое явление, обладающее независимой от человека собственной активностью.

В древнейшую пору имя *лихорадка* связывалось со многими болезнями, – например, грыжей, рожей, горячкой, чахоткой и др. Число вызывающих различные болезненные состояния лихорадок, по поверьям, может варьировать от семи (редко – от трех) до 77 (до 99) [1, с. 121].

По народным представлениям, обычно сестер-лихорадок двенадцать. Возраст лихорадки характеризует качества ее характера. Старшая из них – самая злая: *«Имя мне Тайная: Разные скорби и невиданныя творю, я же хитрая, мудреная, неисповедимая, недогадываемая, несказанная, неизвестная; никто не может меня познати, и доведатися, и болезни мною творимой никаких врачествъ прибрати, исцеляти, яже лекарствъ Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все, что хочешь принимаю и сижу, я же самая сильная, крепкая, таюсь, кроюсь, креплюсь, перехожу и творю, что бесы творять, только отъ сего заговора изыду»* [2, с. 274].

В русских поверьях и заговорах лихорадки ассоциируются с проклятыми «дщерями Иродовыми» (падчерицами Ирода, правителя Галилеи), считающимися губительницами Иоанна Предтечи [1, с. 122]. В текстах заговоров от лихорадки повествование часто ведется от первого лица и болезни дают сами себе характеристику: *«Есть мы царя Ирода дщери, идемъ на весь мир кости знобить, тело мучит. Или: имя мне Смертная: Та буде всехъ проклятий на болящемъ человекомъ страшная, плясовица, и представница, и угодница Ирода царя, та усекнула главу Иоанна Предтечи, и принесла предъ царемъ на блюде»* [2, с. 118].

Лихорадки действительно, как это известно и в медицине, очень близки к горячкам. Те и другие по большей части результат простуды или появляются вследствие расстройства здоровья. Лихорадка вообще более всего распространена у жителей приморских стран, а также в странах, где большое количество болот. Поэтому, может быть,

8. Потапов В.В., Потапова Р.К. Язык, речь, личность. Языки славянской культуры. – М., 2006.

9. Синельников А.В. Маскулинность (мужественность) [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.

10. Трофимова Е.И. О концептуальных понятиях и терминах в гендерных исследованиях и феминистской теории // Женщина в российском обществе. – 2000. – № 4.

11. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». – М.: МЦГИ, 2000.

12. Ярская-Смирнова Е.Р. Женские и гендерные исследования за рубежом [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.

13. Lakoff Robin. Language and women's Place // Language in Society, 1973.

14. Labov William. Variation in Language // Carrol E. Reed (ed.). The Learning of Language.

народная поэзия создала миф о лихорадке, непременно возникающей или из Черного моря, или из моря-океана [3, с. 349].

Н. Забылин отмечает, что «по народным представлениям лихорадки крылаты, их земля держит в своих челюстях на цепях, как ненавистниц человеческого рода. Но когда их спускают, то эти девы без милости нападают на людей. Они столь вредны, что когда им много дела, то они одним мечтательным поцелуем причиняют трясовицу и обитают в одержимых лихорадками. Удачлив тот, к кому прикоснется лихорадка в то время, когда и без него много больных. Будучи заняты делом, перелетая от одного к другому, лихорадки не поспевают трясти безостановочно, а дают время отдохнуть болящим. Вот этой занятости и объясняет народная фантазия лихорадки перемещающиеся». Исследователь указывает, что «сестрицы эти, по нежности восточного происхождения, слишком брезгливы: они боятся собачьих удавок, свиных гнезд, блох, если кто съест, абракадабры (песни ведьм), заговоров. Сибиряки, страдающие лихорадкой, перед ее приходом зачернивают у себя лицо, а иногда и все тело, и надевают на себя чужую гуно, дабы этот злой дух его не узнал или, испугавшись его, отстал» [3, с. 273].

В заговорах персонифицированные образы Лихорадки могут получать названия следующим образом:

1. По признакам, симптомам болезни, самочувствию больного, проявляющемся в:

цветовом проявлении – Бледная (от прил. бледный – «слабо окрашенный (без румянца)»); Белая (от прил. белый – «цвета снега или мела»); Желтая (от прил. желтый – «цвета песка, становиться желтым, желтеет; насыпать желтуху»);

«температурном» проявлении – Огня (от сущ. огонь, т.е. больной испытывает состояние жара); Ледиха (от сущ. лед – больной испытывает состояние холода; насылается озноб);

способе двигательной активности по отношению к человеку – Кашляя (от гл. кашлять), Душляя (от гл. душить), Сонляя (от сущ. сон; насылая сон), Пухляя (от гл. пухнуть), Глохня (Оглухица) (от гл. глохнуть), Корчяя (от гл. корчиться), Трясовица (Треся), Ломея (от гл. ломать; кости и тело ломит), Томея, Дрожжалка.

2. По месту «обитания» в человеке – Грудея, Глазная, Горлея.

3. По обстоятельствам, при которых она произошла, и по времени, в которое случилась, – Перемежающая, Полуношница, Дневная, Весенница, Переходная, Утренница, Часовая, Минутная, Секундная.

4. По «внешнему виду», облику – Космея, Безобразная, Скарденная, Простоволосая, Простополая, Баба-беловолоска, Девка-простоволоска.

Несмотря на то, что слова эмоционально-оценочной сферы не являются именами как таковыми, они становят-

ся неотъемлемой частью названия заболевания. Эпитеты характеризуют болезни по месту или среде обитания (*болотная, головная, пуповая*), по внешним признакам (*нестрая, красивая, старая*), по функциям или типичным действиям (*вредная, злая*). Достаточно характерны оценочные эпитеты. Определения могут быть спровоцированы генезисом или мотивированы местом персонажа в системе ему подобных (*Иродовы дочери, младшая сестра*).

Соответственно, если признаки отражены в имени, то они могут быть снова восстановлены по номинации заболеваний. Болезнь, как мифологический персонаж, может приобрести имя по любому из своих дифференциальных признаков в зависимости от степени их актуальности в определенный момент.

Эмоциональное отношение человека также влияет на названия. Так, с помощью уважительных, ласкательных употреблений можно «одомашнить» (сделать своей, домашней) болезнь, а после этого с ней легко «договориться» или «обменяться». Некоторые названия уменьшительные, их цель – задобрить болезнь, чтобы она ушла, оставила больного (*сестричка, матушка*). Такое иносказательно-уважительное обращение вызывалось и опасением «призвать» болезнь произнесением ее настоящего имени, не раздражать. Наряду с такими образованиями, могут существовать и бранные формы (*поганая, злобная, дрянная, лихая, убийца, девка-верхогрызка, прокашница, сатаниха*).

Имя мыслится как часть самого существа. Поэтому, когда обращаются к нечистой силе, вселившейся в человека, стараются назвать ее. По народным поверьям, через имя можно повлиять на его носителя. Часто в номинации заболевания отражается желание человека заручиться благорасположением мифологического персонажа: к ней почтительно обращаются князь, госпожа, ей присваивают «приятные» эпитеты (*родимая, добрая*). Таким образом, специальные названия получают те явления, которые представляют интерес для человека и нуждаются в персональном подходе. Имя может даваться либо одному объекту, предмету, либо группе объектов. Например, общие для всех лихорадок названия – *трясовицы, лихоманки, кумухи* – и их отдельные имена *Ледяя, Огняя, Гнетяя* и многие другие. Имя собственное имеет определенные функции: именовать, выделять и различать однотипные объекты. В заговорах обязательно перечисляются все возможные имена лихорадок и их характеристики, иначе магические слова окажутся недейственными: «*Мне имя Огняя: коего человека поймаю, тот человек разгорится, аки пламень в печи, также я разжигая всякого человека. Вторая рече: мне имя Ледиха: я коего человека поймаю, тот человек не может в печи согреться. Третья рече: мне имя Желтая – аки цвет дубравный и т.д.*» [2, с. 357].

Таким образом, за каждым недугом, как мифологическим персонажем, закрепляется характерный устойчивый облик, хотя во многих случаях неясность облика мешает четкому и однозначному определению. К внешне выраженным знакам можно отнести, например, непричесанность, косматость, неаккуратность или беспоясность как принадлежность к иному миру, так как в этом мире пояс для человека является обязательным атрибутом. Для русских поверий традиционен женский облик смерти, болезни. Ее могут назвать *старухой, бабой, девкой*; если представляется в мужском облике (что очень редко), то это могут быть братья. Например: «*Моего (?) господи, на один не один, вас – 12 братьев. Вы черные, вы белые, вы серые, вы красные, вы бурдовые, вы ветровые, вы вихревые, вы лессовые, вы водяные, вы минутные, вы секундные, вы ночные, вы полуночные...*» [2, с. 277]. В случаях, когда пол не уточняется, возникают такие безличные формы как *напало, повеяло, нашло, пришло* и т.п. В качестве примера можно привести следующий заговор: «*Две-*

надцать девушек – которая пошутила, которая посмеялась, которая позавидовала. От женского глаза, от мужского глаза, от детского глаза, от своей радости, от черного глаза, от белого глаза, от голубого глаза, от желтого глаза. Божья Матушка, покажи этих девушек, которая покинула на рабу сухоту, ломоту, бессонницу. Выйди, сухота, ломота – с костей, с мозгов, с белого тела, со всех жилок, со всех суставов. Не сушийте, не мучайте рабы. Аминь» [62, с. 316].

Если болезнь принимает вид птицы или животного, то появляются такие имена как: *птица Намырь, черви черны, жаба*, т.е. наименования хтонических животных. Например: «*Черви вы, черви, неусыпающие черви, не точите, черви, не вертите, черви, подите, черви, за сине море, за чистое поле, в темной лес, где люди не ходят, красно солнышко не всходит. И там вы точите и вертите сухое дерево. На сухом дереве есть шасты. Слухи – в ухо, черви – вон*» [62, с. 231]. Или: «*Жаба ты, жаба, от тридцать слов убежала, от тридцать до восьми, от восьми до семи, от семи до шести, от шести до пяти, от пяти до четырех, от четырех до трех, от трех до двух, от двух до одного. Не будет ничего отныне до веку и во веки веков. Аминь*» [62, с. 415].

В народном представлении болезнь является либо наказанием Божьим, либо злой волей человека, либо обитателя потустороннего мира, персонажа, находящегося на грани двух миров (например, колдуна). Болезнь может кем-то насылаться или присылаться, что легко восстанавливается по формулам обратной отсылки покровителю (напр., образ змеи, забирающей своих дочерей) или туда, откуда она пришла (*на мхи, на болота, за поля, за леса, под черный камень* и т.п.) Болезнь может проникать в организм человека с какими-то предметами или в виде веществ. Она может «прийти» сама, – например, «*Кто не бережется и без молитвы, не благословясь ходить, делать, пить, есть и грехи разные творить, и себя не хранить, тотъ нашъ и угодникъ, и мы въ него сами вселяемъ и живемъ, вредъ и пакость творимъ, что хотимъ, что бесы въ человеке творять, то и мы, еще вяще ихъ творимъ*» [2, с. 363].

В так называемых «закрепленных» местах обитания мифологические персонажи могут реализовать свою магическую силу, выполнить свои функции в полной мере. В заговоре определяется место пребывания болезни, в человеческом теле она конкретно действует или обитает. Вот некоторые из таких мест: место постоянного пребывания; место временного пребывания; место появления, путь проникновения; место исчезновения; место контактов с человеком.

Место постоянного пребывания заболеваний определяется по наиболее полным текстам с архаичной структурой. Центром модели мира становится место встречи человека, фигурирующего в заговоре, с болезнью, в диалоге с которыми проясняется место постоянного и временного пребывания болезни. Так, достаточно часто встречается мотив нахождения болезни на дороге, в реке, океане. Например: «*Стану, благославясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. Пойду я на путь – дорогу широкую, на этой на пути – дорожке есть река Онега, на реке сидит Мать Пресвятая Богородица и бабушка Соломона, моют Иисуса Христа и грыжу загрызают медными зубами, железными клыками, пуповую и подпуповую, пятную и подпятную, глазную и подглазную, язычную и подязычную. Так у рабы Божьей (имя) грыжу заедаю, загрызаю, заговариваю медными зубами, железными клыками. Будьте, мои слова, крепки, крепче булата. Ключ – с собой, замок – в море. Аминь*» [2, с. 251].

Легко восстанавливаются места пребывания болезни в теле человека: кости, жилы, мощи, голова, сердце, печень и т.д. (*выйдите, выступите из костя, из жилья, из*

мощей, из буйной головы, из ретивого сердца, из легких печеней, из белых грудей, из белых мозгов, с черных бровей, с ясных очей, с горячей крови, из черной печени, с пальчиков, с суставчиков, с белых рук, с резвых ног, из всего тела крещенного – там вам не быть, тут гнезда не вить, рабу не сушить, сердце не знобить» [2, с. 279].

В мифопоэтических текстах каждый элемент универсума наделяется сакральным смыслом. «В архаичной модели мира пространство оживотворено» [4, с. 340].

Способы взаимодействия болезни с человеком могут быть различными:

по функции (*вредить, наказывать*);
по способу воздействия на человека (*ругать, трясти, насыпать сон* и т. д.);

по способу общения человека с болезнью и воздействия на нее (*приглашение, выманивание, приветствие, «кормление», просьбы, причитания, угрозы, запугивание, изведение* и т. п.).

Действия лихорадки как мифологического персонажа отличает коммуникативная маркированность, поскольку она отчетливо направлена на объект, т. е. человека, для которого предназначается. Болезнь приходит, овладевает человеком, грызет, мучает его, ест, отнимает благо. Например, болезненное состояние определяется следующим образом: *боль нашла, затосковать, быть разбитым* и т. п.

Противостояние человека и болезни может быть представлено разнонаправленными действиями: болезнь стремится к человеку, она хочет проникнуть внутрь, поселиться в его теле, в его доме, селе, завладеть его пространством. О болезни говорят: *она идет, приходит, входит, ходит*. Человек, наоборот, стремится изгнать, удалить болезнь; больной или целитель говорит ей: *поди, уйди, выйди, отойди, беги, слезь, убегай, отступи, удирай, вылезай, выходи, вон, прочь*.

Таким образом, в заговорах болезнь предстает главным образом как мифологический персонаж. Такой подход помогает определить наиболее полный набор смысловых признаков данного образа в локальной традиции, которые выявляются на следующих уровнях: морфологический (внешний облик болезни, атрибуты и т. п.); языковой (названия болезни, имена собственные, эпитеты и т. п.); акциональный (действия, функции и связанные с ними акустические проявления, модусы, локативные и темпоральные характеристики).

Необходимо учитывать, как отмечает А.В. Гура, что речь идет о носителе традиции, поэтому классификация мифологических персонажей «подчинена внутренней логике мифологического сознания, которое подчас существенно отличается от логики бытового сознания современного человека, а она, в свою очередь, далеко не совпадает со строгой логикой научного анализа» [5, с. 79].

Проделанный анализ дает представление лишь об одном фрагменте общей фольклорной КМ. Следует отметить основные особенности структурирования данного фрагмента картины мира. Весь комплекс представлений о мифологических персонажах заговоров является системой, которая пронизана общими, повторяющимися мотивами. Ее особенность – определенный набор ролей, за каждым персонажем закрепляется определенный характер, манера поведения. Поэтому порядок следования мотивов и сюжетов заранее запрограммирован целью текста и ролями, исполняемыми персонажами. Так, образам болезней отводится отдельная ниша отрицательных персонажей, зачастую зависимых от положительных.

Болезнь в народном представлении наделяется определенными признаками в соответствии с отношением к ней человека. Чем сильнее персонифицируется и характеризуется образ, тем легче на него воздействовать, добиться от него положительного для себя и (или) для больного результата. Поэтому в каждом отдельном случае болезнь наделяется чертами, позволяющими максимально приблизить образ к «понятному», удаляясь от абстрактных представлений. Такая персонификация позволяет легче установить контакт с мифологическим персонажем (наподобие контактов между людьми) и тем самым облегчить достижение желаемого результата.

1. Власова М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998.

2. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953-1995. – М., 1998.

3. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – Собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение 1880 года. – М.: Автор, 1992.

4. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена культурной парадигмы и ее внутренние механизмы // Философия языка в границах и вне границ. – Харьков, 1993. – С. 25-26.

5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.